

УДК 904/908

**«МЫ ПОСЕЛЕННЫ МЕЖДУ ГОР...»: К ИСТОРИИ СЕЛА БАЛТА-ЧОКРАК
В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ В КОНЦЕ XVIII – XX ВВ.**

Рувее В. Л.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: vl.ruev@gmail.com*

Лейбенсон Ю. Т.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: beylegamarnik@yandex.ru*

Представлена история села Балта-Чокрак в Юго-Западном Крыму с различным этническим составом. До начала XIX в. деревня была населена крымскими татарами, однако впоследствии произошел выкуп Балта-Чокрака и его сельскохозяйственных территорий (культурного ландшафта) в казну у дворянки Калицы Ивановны Мазганиной. Крымские татары покидают село и выезжают в Османскую империю, и здесь основывается колония из греческих семей, прибывших из Анатолии. Вместо существовавшей в Балта-Чокраке мечети строится церковь, начинает активно развиваться сельское хозяйство. В статье на основе архивных документов и полевых исследований впервые дана реконструкция крымскотатарского этапа истории села, представлены особенности уклада новых переселенцев, трудности, с которыми им пришлось столкнуться на новом месте. Подвергнута сомнению устоявшаяся в историографии точка зрения о Балта-Чокраке как о греко-болгарской колонии. Раскрываются особенности состава культурного ландшафта Балта-Чокрака, детализирована история строительства в 1818 г. и последующих перестроек Пантелеймоновской церкви, духовной жизни колонистов.

Ключевые слова: Крым, Анатолия, Балта-Чокрак, колония, крымские татары, греки, болгары, историческая география, культурный ландшафт, церковь, мечеть.

Ныне не существующее село Балта-Чокрак расположено в одной из балок северного склона Внутренней гряды Крымских гор в 15 км к юго-западу от Симферополя и 8 км к северо-востоку от Бахчисарая. Территория этого села и его ближайшие окрестности были заселены с первых веков нашей эры. На горе Таух-Бай расположено позднескифское городище Балта-Чокрак, на склоне горы – селище и могильник. Датировка указанных памятников укладывается в I – III вв. н.э. [87, с. 62–64]. В 2014 г. в рамках мероприятий по противодействию незаконным археологическим раскопкам в Балтачокракской балке был выявлен могильник Балта-Чокрак-2 с грунтовыми склепами, характерными для некрополей Центрального и Юго-Западного Крыма конца III – IV вв. [94, с. 269–270].

Рис. 1. Скальная виноградодавильня в Балтачокракской балке. Вид с юго-запада.

Об использовании окрестностей Балта-Чокрака в средневековую эпоху известно немного. Осенью 2023 г. в ходе подготовки настоящей публикации на скалистом выступе правого борта Балтачокракской балки была обнаружена виноградодавильня (тарапан)¹. Подобные памятники В. Е. Науменко и В. К. Ганцев датируют второй половиной IX – первой половиной X вв. [82, с. 97–98] (рис. 1).

Само же село Балта-Чокрак впервые упоминается в «Камеральном описании Крыма» (1784 г.) барона Игельстрома под названием «Болта Чекрак²» в составе Бахчисарайского каймаканства [78, с. 40]. Информация об истории этого села в

¹ Обнаруженный в 2023 г. тарапан находится на открытой площадке в пределах небольшого скального мыса на правом борту Балтачокракской балки. Конструктивно он состоит из давящей площадки прямоугольной формы (1,07 м х 0,85 м, глубина 0,15 м) сулоприемника округлой формы (0,65 м х 0,67 м; глубина 0,13 м). Ориентация тарапана (от сулоприемника к давящей площадке) по линии СЗ–ЮВ. У ЮЗ стенки давящей площадки на расстоянии 0,14 м расположено отверстие округлой формы (диаметр 0,12 м; глубина 0,12 м) для рычажного пресса – в него вставляли массивную деревянную стойку, к которой крепили бревно-рычаг. Конструктивные элементы тарапана повреждены в результате выветривания эоценового нуммулитового известняка. По классификации В. К. Ганцева, настоящий тарапан относится к варианту А типа 2 класса I. Аналогии тарапану из Балта-Чокрака имеются на Мангуп-Кале, Бакле, Чуфут-Кале, Кыз-Кермен, окрестностях Эски-Кермена [11, с. 213].

² Название поселения в документах конца XVIII – середины XIX в.: *Болточокрак*, *Болта Чокрак*, *Балточокрак*, в греческой орфографии – *Παλτα ζοκρακη* и *Μπαλτατ ζοκρακη*. Вариант Балта-Чокрак стал устойчивым только в последней трети XIX в.

составе Крымского ханства отсутствует, однако изучение культурного ландшафта села Таш-Джарган, расположенного в 12 км к северо-востоку в сходных природных условиях, дает возможность сделать предположение, что участок Второй гряды Крымских гор от Бахчисарая до Ак-Мечети являлся ханлыком [85, с. 79]. Начиная с 30-х XVI в. во время правления хана Сахиб Герая I начинается практика раздачи земельных участков служилому дворянству. Первым известным владельцем этой земли был ротмистр Муртаза Мурза, однако в связи с распространенностью этого имени уточнить генеалогию дворянского рода пока не представляется возможным. По всей вероятности, границы культурного ландшафта Балта-Чокрака и сельскохозяйственных угодий начинают формироваться в XVI–XVII вв.

В 1793 г. году земли этого села у ротмистра Муртазы Мурзы выкупает прапорщик Константин Федорович Смирнов. И уже через два года перепродает Балта-Чокрак дворянке Калице Ивановне Мазганиной (в девичестве – Алексиановой) за 3 тыс. рублей. В купчих документах указано, что была приобретена в 1795 г. *«деревня Болта-Чокрак с принадлежащими к ней пахотными и сенокосными землями, лесами, садом, господским домом и прочими строениями и другими угодьями»* [14, л. 1] (рис. 2). Дела от имени Калицы Ивановны Алексиановой-Мазганиной вел ее супруг, Фоти Иванович Мазган. Ему Калица Ивановна доверила право подачи прошений, связанных с приобретенной собственностью, и право подписи, поскольку *«в необыкновенности по своему полу в присутственных местах иметь хождения не могла»*. Однако приобретенное землевладение, согласно законам и юридической практике Российской империи, все же оставалось за покупательницей, не переходя в совместно приобретенное имущество – главным образом, это следствие реформ Екатерины II [91, с. 62–68]. Фоти Иванович, подписавшийся в купчей *«ντβορευιν Φοτη Ηβανοβου σιν Μαζγαν¹»* (буквально: передача русского «дворенин Фоти Иванов сын Мазган»), служил сержантом Греческого батальона.

Дворянское звание в середине XIX в. имел и потомок другой ветви Мазгана – титулярный советник Константин Николаевич Мазгана. Его отец, Николай Мазгана, происходивший из греческого дворянства Лакедемона, участвовал в Чесменском сражении 1770 г., сражении при атаке о. Лемнос в 1771 г., при осаде г. Метелина в 1772 г., в морских сражениях русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Прибыв в Крым еще в 1775 г., он вступил в Греческий батальон, в 1800 г. вышел в отставку в чине прапорщика. В Крыму он приобрел имение при деревне Хан-Эли. Сын, Константин Николаевич, владел «околичными помещечьими» (по отношению к Балта-Чокраку) землями «в селе Бодрак и Альминской долине при даче Хан-Элинской» (урочище Хан-Эли, близ деревни Базарчик [27, л. 5; 93, с. 530]), в 1851 г. принял российское подданство. Еще в 1804 г. он был признан дворянином по определению Таврического дворянского депутатского собрания. Потомки Константина Мазгана

¹ И греческие колонисты, и даже дворяне в конце XVIII – начале XIX в. в документах нередко подписывались без диакритических знаков и с нарушением правил орфографии. Считаем необходимым при цитировании документов все же оставлять их оригинальную орфографию.

известны в 1880–1910-х гг., но уже не в дворянском звании, а как бахчисарайские мещане: это Георгий Константинович и Анастасий Константинович. Последний женился на балта-чокракской поселянке Ангелине Антоновне Бимбаш, обвенчавшись с ней и крестив детей в Свято-Пантелеймоновской церкви Балта-Чокрак. Георгий Константинович, женившийся на бахчисарайской мещанке, также главные семейные обряды проводил в этой церкви. Среди прихожан балта-чокракской церкви в 1911 г. упоминается его дочь, девица Мария Георгиевна Мазгана [62, л. 84]. Память о семействе Мазгана, владевшем с конца XVIII в. балта-чокракскими и окрестными землями, сохранена в крымской топонимике: в документах 1910–1913 гг. упоминаются «урочище Мазганы», «село Мазганы» и «кладбище села Мазганы» (не сохранилось). На военно-топографической пятиверстной карте Крыма полковника Бетева и подполковника Бетева показана «дача Мозганы» – между деревнями Балта-Чокрак, Тав-Бодрак и Базарчик (ближе к сегодняшней Новопавловке) [92]. В этих же местах И. Л. Белянский зафиксировал названия Мазгана – для леса возле Тав-Бодрак, Мазгана-Тау и Мазгана-Баиры – для возвышенностей. [93, с. 324].

23 июня 1799 г. землемер Буткевич окончил составление «Геометрического специального плана Новороссийской губернии Акмечетского уезда деревни Болта-Чокрак с принадлежащими к ней всеми землями, которые во владении состоят дворянки Калицы Ивановой дочери жены Мазганиной» [64; 67]. По сути, этот документ дает представление об основных элементах культурного ландшафта села Балта-Чокрак второй половины XVIII в. до начала заселения этих территорий новыми жителями из числа греков (и, предположительно, болгар).

В легенде к «Геометрическому специальному плану...» отмечены форматы землевладения и обязательных крестьянских выплат помещице: «при оной деревни в поселении состоят казенного ведомства татары и духовенство, но земли не имеют, а довольствуются от оной помещицы хлебопашеством и прочим, что им следует, от которых она получает в год от их хлебопашества и от прочего по десятине, также и работу производят на нее же от десяти и до двенадцати дней в году, при том следует часть земли, принадлежащей к той деревни мечети» [64, л. 1].

Далее землемер раскрывает детали культурного ландшафта села Балта-Чокрак, общая площадь которого составила 830 десятин 2340 сажен. Из них:

- пашенная земля – 350 десятин;
- сенной покос – 3 десятины;
- мелкий дровяной лес – 428 десятин 2340 сажен;
- земля под поселением и огородами – 2 десятины;
- земля под мечетью и кладбищем – 400 сажен;
- земля под большой дорогою – 1 десятина;
- земля под проселочными дорогами – 6 десятин 1200 сажен;
- земля под истоками 1 десятина 2000 сажен;
- земля под крутостью гор и каменистыми местами – 57 десятин 1200 сажен.

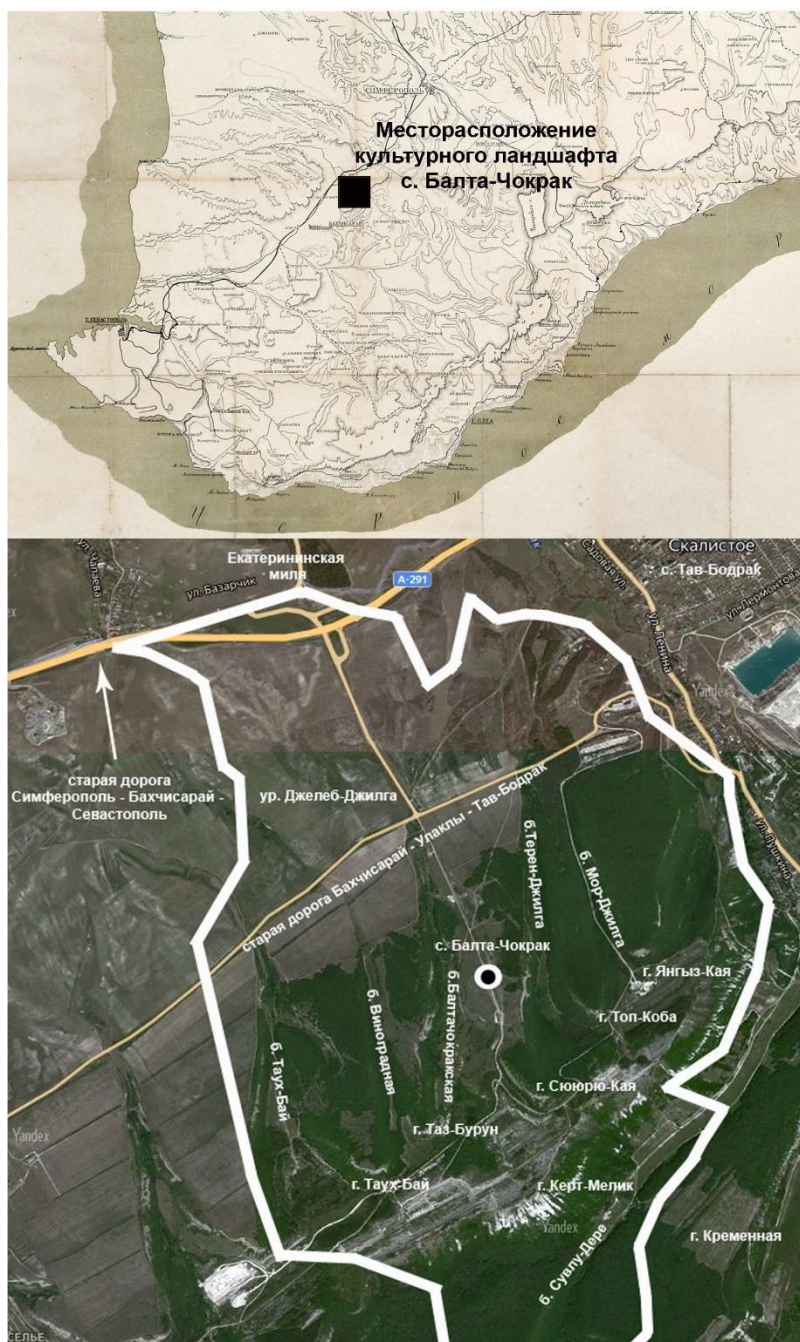

Рис. 3. Месторасположение, топография и границы культурного ландшафта с. Балта-Чокрак.

Важное значение имеют сведения и границах Балта-Чокраского имения (дачи), которые проходили *«в смежности с землями деревень с одной Улаклы [с запада – земли с. Улаклы, находившегося в районе нын. с. Глубокий Яр Бахчисарайского района (прим. авт.)], другой Мангуш [с юга – земли с. Мангуш, ныне – с. Прохладное Бахчисарайского района (прим. авт.)], третьей и четвертой Бадрак, начиная от загорожи по течению реки Бадрак [с востока и северо-востока – по долине реки Бодрак земли с. Тав-Бодрак – ныне с. Скалистое Бахчисарайского района (прим. авт.)], до дачи господина капитана 2-го ранга и кавалера Сарандинаки»* [земли Е. П. Сарандинаки находились сразу дорогой Симферополь – Севастополь – эта дорогой становилась границей с землями Балта-Чокрака. Непосредственно на землях Е. П. Сарандинаки находилась Екатерининская миля (прим. авт.) [64, л. 1].

Численность населения на излете XVIII века в Балта-Чокраке составила 40 человек (19 мужчин, 21 женщину). Отмечено наличие двух помещичьих дворов, 9 дворов крестьян, мечеть. Причем упоминая о духовенстве деревни в числе 4 человек, речь идет, скорее всего, о семье имама. Локализовать место мечети затруднительно, а вот мусульманское кладбище находилось, вероятно, на месте или рядом с будущим христианским.

В начале XIX в. происходит смена этнического состава и наступает новый этап в жизни деревни. Крымские татары покидают Балта-Чокрак, вероятнее всего, в связи с Русско-турецкой войной 1806–1812 годов. В 1805 году земли деревни Балта-Чокрак выкупаются в казну. Увы, купчие документы отыскать на данный момент не представляется возможным.

Вскоре после опубликования императором Павлом I Высочайшего Манифеста «О установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам 13 февраля 1798 г.», где особое внимание уделялось греческой колонизации полуострова, формируется греческое ядро колонии Балта-Чокрак. В 1806 г. Балта-Чокрак заселяется греками, выходцами из Анатолии, которые, по их собственным словам, *«удаляясь владения турецкого по угнетению от турков, прибыли под защиту России»* [21, л. 1]. Некоторые семьи колонистов, как они сами свидетельствовали, привезли для заселения крымских земель «на казенном судне» и выделили денежное вспоможение.

Следует обратить особое внимание на проблему этнического состава колонии в начальный период ее существования и на протяжении всего XIX – начала XX в. В изданиях XIX – начала XX в., начиная с А. А. Скальковского, в 1848 году опубликовавшего статистический очерк «Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае», Балта-Чокрак описывается как болгарская или греко-болгарская колония. А. А. Скальковский говорит о ней как о «маленькой колонии в Феодосийском уезде, основанной в 1806 году с целью улучшить крымское садоводство и виноделие, из румелийских болгар и греков». Только четверть из принадлежавших колонистам земель была пригодна для хлебопашества, поэтому они занимались *«преимущественно разведением табаку и виноделием»* [86, с. 92,

96, 108, 119, 135]. Заметим, что А. А. Скальковский ошибочно отнес Балта-Чокрак к Феодосийскому уезду, вероятно потому, что описывал эту колонию наряду с Кишлавом и Старым Крымом – действительно болгарскими колониями, возникшими в Феодосийском уезде в начале XIX в. Табаководство в Балта-Чокраке уже на раннем этапе жизни колонии уверенно подтверждается документально [15, л. 47–54 об.; 21, л. 56–61 об]. Однако подтвердить сведения о развитии виноделия, равно как и о том, что колония основана выходцами из Румелии (северобалканских территорий Османской империи), авторам не удалось – известные нам документы, речь о которых пойдет далее, указывают исключительно на анатолийских греков. При этом, сам А. А. Скальковский в другом месте пишет об основании колонии следующим образом: «В 1806 году прибыло из Анатолии к Евпаторийскому порту несколько болгарских семейств, искавших в России убежища и хлеба. Правительство охотно их приняло, поселив в Крыму на пепелище татарского селения Балта-Чокрак» [86, с. 11–12.]. В 1869 г. А. А. Клаус также упоминал Балта-Чокрак как болгарское поселение наряду со Старым Крымом и Кишлавом, уточняя, что приводит сведения на 1821 год [72, с. 318]. В конце XIX века К. А. Вернер в «Алфавитном списке селений» Таврической губернии указывал, что в 1806 г. в Евпаторийский порт прибыли несколько болгарских семей из Анатолии, которых поселили в Балта-Чокраке «вместе с греками, водворенными там ранее» [7, с. 13]. В исследовании Н. С. Державина (1914 г.) Балта-Чокрак назван греко-болгарской колонией [69, с. 12]. Наконец, согласно статистическому справочнику Ф. Н. Андриевского (1915 г.), колония имела смешанный этнический состав (что, впрочем, могло означать и присутствие пришлых работников разных национальностей – например, славян и татар) [88, с. 88]. В конце XX века в историографии складывается устойчивая традиция описания Балта-Чокрака как смешанной греко-болгарской колонии [2, с. 79, 229; 10; 71; 80; 84]. При этом авторы современных работ преимущественно цитируют указанные нами дореволюционные издания, либо ссылаются на архивные документы, прямо не относящиеся к Балта-Чокраку¹.

¹ Особенно показательна в этом смысле статья С. Г. Кащенко, вышедшая в 1995 г. (впоследствии большинство авторов ссылались именно на нее в работах, посвященных крымским болгарам) [71]. В отношении колонии Балта-Чокрак автор пересказывает сведения, приведенные А. А. Скальковским и К. А. Вернером, также ссылается на ряд архивных дел. Однако при знакомстве в Государственном архиве Республики Крым с указанными в статье делами выяснилось, что они касаются: прошения общества болгарских колонистов Старого Крыма о покупке земли у помещика А. Юнга (1820 г.), командирования подполковника Домбровского для осмотра болгарских поселений в Днепровском уезде (1862 г.), выделения земли Неделко Габрову, служившему офицером в Болгарском легионе, земель при колонии Ивановка в Бердянском уезде (1865 г.), а также австрийского подданного К. Корнера, желавшего отправиться в Богемию для приглашения иностранных колонистов в Таврическую губернию (sic!) [16; 17, л. 1–10; 18, л. 1–8; 19, л. 1–9]. Но о болгарских колонистах из Балта-Чокрака в этих делах нет ни слова! Поэтому проверить выводы автора статьи (например, показавшийся нам спорным тезис об успешном виноделии в хозяйстве Балта-Чокрака) на основе ее справочного аппарата авторы не смогли.

Еще раз подчеркнем, что во всех известных нам документах XIX века болгары в селении Балта-Чокрак не упоминаются вовсе: речь идет о греческих колонистах, греческой церкви, даже греческих подписях в коллективных обращениях жителей села в органы власти. При натурном осмотре некрополя и работе с метрическими книгами Пантелеимоновской церкви удалось выявить только одну фамилию, которая может оказаться болгарской: Тодоровы. Она засвидетельствована лишь в одной сохранившейся эпитафии конца XIX в., из которой следует о том, что с кем-то из Тодоровых породнились греческие колонисты Димитри. Сами же Тодоровы в метрических книгах второй половины XIX – начала XX в. упоминаются как карасубазарские мещане или турецкоподданные (и только с XX в. – как *«балта-чокракские поселяне»*) [напр.: 43, л. 15 об.]

Как видим, подтвердить сколь-нибудь заметное присутствие болгарского населения в колонии Балта-Чокрак на протяжении ее дореволюционной истории не представляется возможным. Возможно, в начале XIX в. (не исключено, что в 1806 г., почти синхронно с греками), сравнительно небольшое число болгар (анатолийцев или румелийцев – неясно) поселились в Балта-Чокраке, но вскоре из-за тяжелых условий эти колонисты уехали. Таким образом, болгарская часть населения колонии «закрепилась» в некоторых статистических отчетах и в итоге в историографии, при этом не отразившись в документах 1810-х – 1830-х годов, касающихся насущных проблем поселенцев: малоземелья, составления ревизских сказок, постройки и ремонта церкви. О сложном и неустойчивом характере ранней болгарской колонизации в рассматриваемый период свидетельствовал А. М. Фадеев, служивший тогда в Конторе опекунов новороссийских иностранных поселенцев (о нем мы скажем далее): *«Болгары начали передвигаться в Россию еще с 1803-го года, и водворены, большею частью, в окружностях Одессы и Бессарабии. Это народ трудолюбивый, хорошей нравственности, но существенно, по крайней мере, в первые десятки лет поселения их в России, они мало были полезны, потому что, хотя и производили много пшеницы, имевшей в то время в наших портах на Черном море большую ценность, но или зарывали выручаемые деньги в землю, или уходили обратно в Турцию, не улучшая нисколько ни своего образа жизни, ни хозяйства»* [8, с. 48–49].

Возвращаясь к переселенцам греческого происхождения, основавшим колонию в 1806 г., необходимо отметить, что несмотря на льготные условия хозяйствования и отсутствие повинностей (в том числе рекрутской) первые несколько десятков семей переселенцев из Турции вскоре столкнулись с рядом трудностей на новом месте. Из-за этого они решили вернуться обратно в прежнее свое отечество, о чем в январе 1816 г. с одним индивидуальным и двумя коллективными прошениями обратились к Таврическому гражданскому губернатору Андрею Михайловичу Бороздину (управлявшему губернией с 2 ноября 1807 г. до 20 июля 1816 г.).

Интересно, что в прошениях греческие колонисты не объявляют истинных причин своего желания покинуть колонию, лишь говорят о твердом своем решении выселиться обратно в пределы Османской империи. Возможно, на текст таким образом повлиял титулярный советник Фома Леонов, который *«сии прошения по*

словам просителей сочинил и писал», возможно, и сами греки в беседе с чиновником свидетельствовали о своем деле несколько уклончиво (далее мы выясним, что у колонистов были основания не доверять администрации). Вот как сформулировано прошение от Георгия Яния (подписавшегося как Γεωργη Γεωργη) от 13 января 1816 г.: «Будучи турецкоподданным, назад тому лет 18 прибыл из заграницы в Таврический полуостров, проживал в городе Симферополе, под выданным мне срочным от местного начальства пашпортом, а назад тому 7 ½ год, приписавшись в помянутом селении Балта Чокраке, водворился в оном не получая со стороны казны, хоть прочие получали, никакого вспоможения. Женился на дочери я тамошнего жителя грека Антона Димитри Анастасии и прижил одного сына Яния, три года ныне от роду имеющего. Когда же я ныне желаю с моим семейством выехать заграницу в прежнее мое отечество и там остаться навсегда; то прошу Вашего Превосходительства о исключении меня из числа тамошних поселян и о незаписывании меня при ныне сочиняемой ревизии в числе оных, дать кому следует предложение и позволить мне с помянутым моим семейством на основании Высочайшего Манифеста, в 13й день февраля 1798 года состоявшагося, 2го пункта выехать заграницу. Снабдите на пропуск через Крымские порты пашпортом о чем и учиня благоуважение и резолюцию» [15, л. 1–1об.].

Остальные просители (всего – 22 семьи, состоящие суммарно из 116 человек) также описывали обстоятельства своего прибытия в Крым после Манифеста 1798 г.: некоторые из них поначалу прибыли «для торговых наших промыслов в Крымский полуостров, проживали во оне в разных городах и местах под выдаваемым нам пашпортам». Через несколько лет переселившись в Балта-Чокрак, некоторые сразу отправились сюда в качестве колонистов-земледельцев: «с семьями своими на казенном судне и поселены в вышепомянутом селении Болта Чокрак с выдачею со стороны казны вспоможения известной Таврической казенной экспедиции и подчинении на верность подданства Всероссийскому престолу присяги» [15, л. 1–5].

Все просители ссылались на 2-й пункт Манифеста 1798 г., который действительно позволял иностранцам, пожелавшим покинуть Российскую империю, выехать, продав свое недвижимое имущество кому-либо из остающихся на поселении, а движимое имущество – вывезти с собой, уплатив за него положенную пошлину [79, с. 2]. При составлении новой, «ныне сочиняемой» ревизии (это 7-я ревизия, начавшаяся в 1815 г. и в различных губерниях продлившаяся до 1825 г.) колонисты просили их не учитывать в числе жителей селения Балта-Чокрак.

Казалось бы, имелись все основания удовлетворить прошения иностранных поселенцев и, снабдив их документами, отправить на родину. Однако прошения спровоцировали интенсивную переписку между властями, вылившуюся в настоящее расследование о причинах желания колонистов покинуть крымское селение.

Отъезду греческих семей противоречили забота о благосостоянии земледельческих колоний, которые необходимо было удерживать от запустения, а вместе с ней – различные бюрократические нюансы. Не благоприятствовало время

производимой ревизии; кроме того, был усложнен вопрос административного подчинения колонистов, которые, живя на территории, управляемой Таврическим губернатором, должны были находиться в ведении Конторы опекунства новороссийских иностранных поселенцев. Контора опекунства была создана в Екатеринославе в 1800 г. и действовала до 1818 г., возглавлял ее С. Х. Контениус. Будучи высшей административной инстанцией по делам колонистов в генерал-губернаторстве, она подчинялась созданной при Сенате в 1797 г. Экспедиции государственного хозяйства, опекунству над иностранными поселенцами и сельским домохозяйством [6, с. 53–61; 76, с. 91–97].

Поэтому неудивительно, что, получив прошения от колонистов Балта-Чокрак, А. М. Бороздин тут же (20 января 1816 г.) направил отношение в Контору опекунства с изложением сути дела колонистов, перечислением 22 просителей – глав семейств и просьбой уведомить его, «можно ли их выпустить за границу» [15, л. 7].

Контора опекунства ответила лишь 10 июля, указывая на невозможность выселения. Во-первых, говорилось в письме губернатору, согласно мнению Государственного совета от 27 ноября 1812 г., нельзя переводить иностранных колонистов в иные сословия целыми селениями или в таком количестве, «*чтобы оное оттого расстроится могло*». Во-вторых, ссылаясь на Указ императора Александра I из Правительствующего сената «О учинении по государству новой ревизии» от 23 июля 1815 г., Контора опекунства настаивала на невозможности перехода поселян и мещан в «другое звание». В законе речь, правда, шла о случаях перехода «*поселян в градское звание, мещан из одной в другую губернию, равно и в статскую службу*», а не о выезде иностранных колонистов. Однако Контора опекунства настаивала: на соблюдении предписания того же закона подобные переходы до окончания проведения ревизии «*нынеже повсюду прекратить и оставить без действия, наблюдая со всею строгостию, чтобы все таковые люди сказкоподатели показаны были в сказках по сей новой ревизии в прежнем своем поселянском или мещанском звании непременно*». Наконец, на основании Инструкции о внутреннем распорядке и управлении Новороссийских иностранных колоний (1800 г.) Контора опекунства утверждала, что подобных прошений от колонистов вообще не должно было поступать губернатору. Вместо индивидуальных или коллективных прошений Инструкцией предписывалось подавать жалобы и прошения на основании общего схода поселения, с подписями всех поселян и передавать их не губернатору, а напрямую в Контору опекунства. Таким образом, отвечала Контора опекунства, приступить к отправке греческих семей за границу она не может, а Таврического губернатора просит впредь в подобных случаях поступать по упомянутым законам. При этом Контора опекунства сообщала, что смотрителю крымских колоний фон Ремлингу предписано немедленно выяснить, отчего балта-чокракские колонисты стремятся к выезду, «*в чем состоят истинные причины, побуждающие оных поселенцев к переходу за границу и на каком основании предполагали они в таком разе оставить дома свои и хозяйственные заведения, и не действовали в сем случае более какие*

либо сторонние внушения нежели истинная польза оных поселенцев» [15, л. 10–12 об.].

А. М. Бороздин оставил должность Таврического губернатора через 10 дней после составления ответа Конторой опекунства. Рассмотрение дела балта-чокракских греков затягивалось, вникать в него пришлось новому губернатору А. С. Лавинскому (исполнял эту должность с 20 июля 1816 г. по 28 декабря 1819 г.).

«Балта-чокракский вопрос» дошел до руководства – в частности, до Херсонского военного губернатора – А. Ф. Ланжерона. Также и таврический губернатор в итоге получил три письма от графа (16 декабря 1816 г., 18 июля 1817 г. и 6 сентября 1817). В них А. Ф. Ланжерон просил А. С. Лавинского узнать, нельзя ли купить для балта-чокракских греков какие-либо земли по соседству – вопрос, как вскоре выяснится, нерешенный еще со времени губернаторства Д. Б. Мертваго (1803–1807 гг.). Кроме того, он сетовал на предшественника нынешнего губернатора: распоряжением А. М. Бороздина «неведомо по какому случаю» колония отдана в ведение земского исправника, хотя должна находиться в непосредственном заведовании Новороссийской опекунской конторы. Что до греков, желающих «перейти в другие звания» (вероятно, имеется в виду и вопрос отъезда), сообщал А. Ф. Ланжерон в последнем письме, Министр внутренних дел все-таки дал на это свое разрешение [15, л. 39, 55, 56].

Завершилось дело балта-чокракских колонистов расследованием, проведенным товарищем главного судьи Конторы опекунства С. Х. Контениуса – г. Фадеевым, лично отправившимся в Крым, выяснившим у самих поселенцев причины их желания уехать и даже переубедившим половину из них. При личной беседе товарищ главного судьи выяснил, что первые из колонистов, 12 семей из Анатолии, получили в Балта-Чокрак каждая по 24 десятины 24 сажени земли. Несмотря на то, что только четверть этой земли годилась для хлебопашества («прочее же все состоит из каменных гор хряща и дровяного леса»), колонисты все же сочли для себя такое количество достаточным и решили заняться преимущественно выращиванием табака на продажу. Но когда немногим позднее из Анатолии сюда переселилось еще 10 семей, земли стало отчаянно не хватать. Поскольку еще первые колонисты подавали Д. Б. Мертваго Кондиции с условием «чтобы со умножением их соотчичей, прикупить поблизости той деревни достаточное количество удобной земли», с прибавлением населения в Балта-Чокрак, они стали обращаться к Херсонскому военному и Таврическому гражданскому губернаторам (соответственно, Э. О. де Ришелье и А. М. Бороздину) прошения о покупке земли. Однако никакой помощи колонистам власти не оказали. Следующей проблемой колонистов стало отсутствие собственной церкви. Ее жители Балта-Чокрак готовы были построить на собственные средства, но «местное духовное правительство не выдает на то грамоты, доколе для священника и церковных служителей не будет отведено навсегда 33 десятины удобной земли». Это условие колонисты, столкнувшиеся с настоящим земельным голодом, выполнить, конечно, не могли. Наконец, жители Балта-Чокрака опасались, что, хоть пока что они и избавлены

были от рекрутской повинности, но когда-нибудь все же будут ей подвергнуты. Среди окрестных деревень ходили слухи о том, что, если колонисты запишутся в ревизские сказки, на них лягут все без исключения повинности податных сословий. В итоге слухи завели дело довольно далеко: при составлении прошлой, 6-й переписи в 1811 г. община Балта-Чокрак вовсе не стала подавать ревизских сказок. Впрочем, на месте их никто и не требовал: еще Д. Б. Мертваго перепоручил Балта-Чокрак в ведение Симферопольского земского исправника Мавра Михаила, знавшего греческий язык, но совершенно не заботившегося о благоустройстве колонии. Контора опекунов напрасно пыталась добиться подачи сведений 6-й ревизии, это не удалось даже смотрителю крымских колоний, лично приезжавшему в Крым по этому делу.

Выслушав опасения и нужды колонистов, товарищ главного судьи Фадеев объяснил им, что рекрутская повинность не может коснуться иностранных поселенцев; пообещал, что о прибавке земли и о разрешении построить церковь будет ходатайствовать. После этого половина семей колонистов изменила свое решение и согласилась остаться. Остальные же 11 семейств объявили, что все равно не желают ни в коем случае жить в Балта-Чокрак. При этом обратно в Анатолию теперь планировали уехать только 4 семьи, остальные пожелали приписаться в Балаклавский греческий пехотный батальон¹. Фадеев продолжил общаться с колонистами и выяснил, *«что сии 11ть хозяйств суть люди, склонные к бродяжничеству, никогда постоянно хлебопашеством не занимавшиеся и приобретающие пропитание торгами и разными промыслами, а потому находя для себя тягостною невозможность без паишпортов бродяжничать куда им вздумается... те из них, кои просят о дозволении выйти обратно в Анатолию, желают возвратиться туда, не с тем, дабы остаться там на жительство, но получив от турецкого правительства паишпорты, находиться с оными в городах Новороссийского края и заниматься разными промыслами, не отбывая никаких повинностей, а желающие приписаться в Балаклавский греческой батальон надеются, что отбывая службу весьма легкую и не зная никаких кроме оной повинностей, будут свободны большую часть времени находиться где им вздумается»*. Фадеев попытался объяснить, что Постановление Государственного совета от 1812 года, запрещает переселение такого количества колонистов, от которого поселение может прийти в упадок. На это он получил уверенный ответ от решивших остаться колонистов: выпуск 11 семей из колонии ничем ей не грозит, поскольку они никогда не были хорошими земледельцами – и по непривычке к такому труду, и по недостатку самой земли. Напротив, 11 оставшихся семей, будут владеть достаточным для себя количеством земли. По итогу поездки Фадеева

¹ Первоначально Греческий полк был сформирован в 1779 г. Его составили греки-выходцы из Османской империи, перешедшие на русскую службу. До 1783 г. полк располагался в Керчи и Еникале, с 1784 г. переведен в Балаклаву. В 1797 г. указом императора Павла I пехотный полк преобразован в Балаклавский Греческий пехотный батальон (3 роты, 396 человек). В годы Крымской войны Балаклавский Греческий батальон оборонял Балаклаву и Южный берег Крыма. После Крымской войны, в 1859 г., батальон был расформирован [13, с. 38–39]

Контора опекунства на основании дозволения Министра внутренних дел (должность в это время исполнял О. П. Козодавлев) приняла решение отпустить желающих – но теперь уже не 22, а всего 4 семьи – обратно в Турцию, 7 семей приписать к Балаклавскому батальону. Гражданскому правительству предписывалось не передавать более колонию Балта-Чокрак ни в чье ведение, поскольку она должна находиться в непосредственном ведомстве самой Конторы опекунства [15, л. 47–54 об.].

Следует особо сказать о человеке, фактически разрешившем дело балточокракских колонистов, поскольку «товарищ главного судьи Конторы опекунства г. Фадеев», упомянутый в документах Конторы опекунства, без всякого сомнения, был Андреем Михайловичем Фадеевым (1789–1867) – личностью известной и во многих отношениях незаурядной. Будучи выходцем из небогатой многодетной дворянской семьи, недостаточно, по его собственному мнению, образованным, благодаря личным качествам он приобрел любовь княжны Елены Павловны Долгорукой, ставшей его женой. При ее содействии А. М. Фадеев получил и первое важное назначение. В 1815 г. он стал товарищем главного судьи Конторы опекунства, с 1818 г. – председателем Екатеринославской конторы иностранных поселенцев. В дальнейшем его честность и талант администратора способствовали назначению А. М. Фадеева на должности главного попечителя над калмыцким народом в Астрахани, а с 1841 г. по 1845 г. – Саратовского гражданского губернатора. Последним назначением А. М. Фадеева стала должность члена совета главного управления Закавказского края и управляющего местными государственными имуществами. Как и в начале карьеры, Фадеев занимался в Закавказье преимущественно вопросами устройства колонистов. Он получил титул тайного советника, был награжден Орденом св. Анны, Орденом св. Станислава, Орденом Белого орла и Орденом св. Владимира. Андрей Михайлович постоянно занимался самообразованием, оставленные им «Воспоминания» свидетельствуют о его начитанности, остром аналитическом уме и вполне оригинальном литературном стиле. Поездка 1816 г., в ходе которой, среди прочих поручений, А. М. Фадеев занимался проблемой балта-чокракских колонистов, стала первым его крымским вояжем, но довольно кратко описана в «Воспоминаниях». О служебных делах он практически не говорит, с большей охотой переходя к описанию великолепных видов Южного берега и Судака, а также встреченных им в Крыму выдающихся и просто интересных людей [4, с. 30–34; 8, с. 52–57].

Итак, часть греческих семейств в 1817 г. из-за малоземелья и неустроенности покинула Балта-Чокрак. Оставшиеся спустя полтора десятилетия характеризовались местными властями как «почти все хорошие хозяева» [21, л. 59]. Благодаря документам, отражающим состав греческих семейств Балта-Чокрака в 1828 г. и 1832 г., мы можем выявить тех, которые остались в колонии, благодаря усилиям товарища главного судьи Конторы опекунства А. М. Фадеева. Из подававших в 1816 г. прошение об отъезде в позднейших списках жителей упоминаются как раз 11 глав семейств: Адам Георгиев (Йоргиев), Спиридон Ефимьев, Велиссарий Николаев (Никола), Николай Кириаков, Ефимий Анастасьев, Антон Димитриев

(Димитри), Павел Феодосьев Топуз-оглу, Егор (Георгий) Кокиномати, Яни Панайтов, Михаил Анастаси, Савва Георгиев (Йорги) [21, л. 62–64, 130–130 об.]. Интересно было бы «вычислить» и потомков этих колонистов во второй половине XIX – начале XX в. Однако между имеющимися в распоряжении документами (делом о постройке Пантелемоновской церкви в Балта-Чокраке, содержащем список колонистов в 1832 г., и метрическими книгами Пантелеймоновской церкви с Балта-Чокрак, с 1866 г.), сохранившимися имена колонистов, хронологический разрыв более чем в 30 лет – целое поколение. Кроме того, большая часть имен колонистов, зафиксированных в документах начала XIX в., передана без фамилий: по форме росписи на греческом языке особенно хорошо видно, что это не фамилии, а отчества. Например: Εὐθήμερος Αναστασιού, Ἀθανάσης Θεοδόρου, Ἀντόνης Δημητρίου, Φώτης Σάβα, Θεοδοσι Θεοδору и т.д. (то есть, буквально: Ефимий Анастасов, Афанасий Феодоров, Антоний Димитриев, Фотий Саввич, Феодосий Феодоров). Из этих отчеств в документах Российской империи вполне могли быть образованы фамилии, но нельзя уверенно судить о том, произошло ли это и в какой форме. Некоторые отчества не стали фамилиями – так, мы не находим ни в позднейших метрических книгах, ни в эпитафиях сохранившихся памятников некрополя фамилии Анастаси. Часть отчеств при образовании фамилий, как это часто бывало в греческой ономастике, заместили прозвища. В документе от 1832 г. у Павла Феодосьева зафиксировано прозвище Топуз-оглу, вероятнее всего, к его потомкам относятся многочисленные Топузовы. Почти все они, согласно метрической книге 1866–1919 г. были балтачокракскими колонистами, отдельные семьи относились к бахчисарайским, карасубазарским и евпаторийским мещанам. В нач. XX в. карасубазарская ветвь Топузовых известна и под второй фамилией: Тохтамыш; к 1914 в. – под двойной фамилией Тохтамыш-Топузов [36, л. 39; 38, л. 17 об.–18; 49, л. 172 об; 57, л. 223 об.]. Без сомнения фамилией (или прозвищем, ко второй половине XIX в. ставшим фамилией) из подавших прошение на выезд в 1816 г. обладал лишь Йоргий Кокиномит – Γεώργη Κοκηνομήτης. Обладавшие в 1870–90-х гг. статусом турецкоподданных и бахчисарайских мещан, засвидетельствованные метрических книгах Пантелеймоновской церкви в форме Кокиноматов и Кокиномати; представители этого известного семейства до сих пор живут в Крыму [12].

В ноябре 1819 г. проводится новое межевание культурного ландшафта Балта-Чокрака и происходит уточнение площади земель с различным целевым назначением. На новом «Геометрическом специальном плане 1819 года...» число пригодных для пашни земель уменьшается до 115 десятин, но зато увеличиваются почти до 257 десятин сенокос. Отдельно выделяются церковные земли для только заложенной церкви (рис. 4).

Новый формат земель сельского культурного ландшафта Балта-Чокрака в формате греческой колонии после передачи из казны представляется таким образом:

- пашенная земля – 115 десятин 585 сажений;
- сенной покос – 256 десятин 864 сажени;

- леса дровяного – 341 десятина 1651 сажень;
 - земля под поселением и огородами – 2 десятины;
 - каменистой земли для покоса травы – 40 десятин 714 сажень
 - земля под вновь строящейся церковью и кладбищем – 400 сажень;
 - земля под проселочными дорогами – 6 десятин 1200 сажень;
 - земля под истоками – 2000 сажень;
 - земля под каменистыми местами и крутостью гор – 67 десятин 2126 сажень
 - земля, переданная колонистами на нужды строящейся церкви (к югу от села – в районе горы Кременной (прим. авт.):
 - пашенной земли – 8 десятин 1584 сажени
 - сенной покос – 10 десятин 1271 сажень
 - леса дровяного – 13 десятин 1945 сажень
 - под проселочной дорогой – 685 сажень
- Итого: 33 десятины 685 сажень

Итого: 830 десятин 2340 сажень (из них удобий – 755 десятин 1444 сажень)

Население Балта-Чокрака на 20 ноября 1819 г. состояло из 16 греческих семейств, занимавших соответственно шестнадцать дворов¹ [65; 66]. Отметим, что на протяжении XIX – начала XX вв. численность населения составляла в пределах 100–150 человек. Максимальное количество селян Балта-Чокрака была зафиксирована в 1889 г. в количестве 158 человек [7 с. 88].

В это же время началось строительство церкви в Балта-Чокраке. О постройке каменной церкви в честь священномученика и целителя Пантелеймона колонисты ходатайствовали архиепископу Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому Иову в 1814 г. Они готовы были сами понести все издержки на расходы (строительный камень в достаточном количестве уже был заготовлен ими самими), выделить 33 десятины земли священникам и причту и платить священнослужителям ежегодное жалование общим количеством в 200 р., поскольку церковь с приходом была им крайне необходима. Без собственного прихода балта-чокракские греки вынуждены были ходить в греческие церкви Бахчисарая (Свято-Николаевскую), Симферополя (Свято-Троицкую) и Мангуша (Петропавловскую). Однако Симферополь находится на значительном расстоянии, а в ближний Бахчисарай через гористую местность было неудобно и небезопасно ходить в зимнее время. В прошениях архиепископу колонисты писали: *«во всякое неудобное время, а паче зимнее, проходя возвышенные горы и овраги, так как мы поселены между гор, весьма много затрудняем и подвергаем себя всегдашним опасениям...и священника...крайне призывать нам затруднительно чрез что престарелые,*

¹ Имущественное положение поселян в это время по имеющимся документам можно представить лишь в самых общих чертах. Но интересно отметить свидетельство о случае явного имущественного неравенства: так, именно список жителей Балта-Чокрака в период строительства первой церкви показывает, что одно из семейств (глава – Дмитрий Кесарийский) имела двоих слуг, проживавших в доме хозяев со своими семьями [21, л. 11].

**«МЫ ПОСЕЛЕННЫ МЕЖДУ ГОР...»: К ИСТОРИИ СЕЛА БАЛТА-ЧОКРАК
В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ В КОНЦЕ XVIII–XX ВВ.**

одержимые болезнями разными оканчивая дни свои лишаются вовсе христианского напутствования и самого даже погребения по обряду церкви, рождающиеся же слабые младенцы умирают без крещения» [21, л. 2–5 об.]. В состав балта-чокракского прихода должны были войти также села Бодрак, Улаклы, Большой Хан-Эли, Малый Хан-Эли, Альма-Кермен, Базарчик и окрестные поместья К. Мазгана, Д. Константинова, К. и И. Смирновых [21, л. 6 об.].

Рис. 4. Культурный ландшафт с. Балта-Чокрак на «Геометрическом специальном плане 1819 года...».

После разбирательств 1816 г. разрешение на постройку церкви было, наконец, получено и колонисты доверили работу Михаилу Анастаси, выходцу из Анатолии из числа первых поселенцев Балта-Чокрака. Михаил Анастаси был одним из тех колонистов, которые в 1816 г. пожелали вернуться в Турцию, но после беседы с А. М. Фадеевым (в числе прочего, ходатайствовавшего о постройке церкви), остались. Доверие односельчан вполне понятно: Анастаси был зрелым человеком (родился примерно в 1782 г.), отличался «хорошим и трезвым поведением», содержал семейство (к началу 1830-х гг. у Михаила Анастаси и его жены Анны было пятеро сыновей и трое дочерей) и, что немаловажно, знал грамоту¹

Храм был заложен 27 июля 1818 г. по словесному приказанию арх. Иова, а 14 ноября того же года дана храмозданная грамота – документ, официально благословляющий строительство [21, л. 44 об.]. М. Анастаси помогали все колонисты, однако их сил и средств не хватало, и выстроенная церковь оставалась неоконченной. Михаил Анастаси решил запросить помощи у самого императора Александра I, в октябре 1825 г., в последний раз посетившего Крым. Он был настолько уверен в помощи государя, что заранее договорился с мастером, турецкоподданным греком Павлом Васили о работе по оштукатуриванию здания, постановке 4 каменных колонн, изготовлению пола из тесанного камня и покрытию крыши черепицей. Работы оценивались в 1000 рублей. Васили со своими работниками завершил их в том же году, и, разумеется, потребовал плату. Однако в связи со смертью Александра I денежная помощь выделена не была, а Анастаси, равно как другие колонисты, требующейся суммы не имели. Кроме того, для завершения строительства церкви и начала богослужений нужны были колокола на колокольню, доски для установки иконостаса, церковные книги и прочая утварь, ризница и каменная ограда внутри церкви – *«всего на сумму 7075 руб. без каковых денег церковь... должна прийти в разорение»*.

Действительно, неоконченная церковь начала ветшать. Однако в Екатеринославской духовной консистории, которая должна была разбирать это дело, оно затянулось в связи с увольнением прежнего архиепископа и потерей документов: *«как прежнего о помянутой церкви дела в архиве Консисторском, которого дела были складены кипами в разных службах Архиерейского дома, в корпусе Сараев, а потом при перестройке оных Сараев переложены в другую комнату, где ныне кухня братии Архиерейского дома, до перенесения Консистории во вновь построенный дом, а в прежде занимаемый оною по устройению в нем архива до собрания в оный и до разбирания дел в конце прошедшего 1827 года, отыскать не было возможности; а между тем Преосвященный Архиепископ*

¹ Как и большинство колонистов в этот период, по-русски читать и писать, Михаил Анастаси, по всей видимости, не умел, зато мог писать по-гречески. В отзыве, направленном Симферопольскому духовному правлению в 1832 г., Анастаси подписывался вместо восьми других подателей документа: *«καὶ μὴν ἡξερροντας γραμματια παρα κελευσμος των ἀπόγραφα ἐγὼ ὁ Μηχάλης Αναστασίου τῆς κολόνης Μπαλτατζοκρακη κολονίσης. В переводе: а вместо их неграмотных по просьбе их подписался той же колонии колонист Михаил Анастасьев»*. Анастаси также вел книги расходов на греческом языке, где указывал издержки колонистов на постройку церкви [21, л. 58 об., 130 об.].

Феофил по прошению его уволен от управления Екатеринославскою епархией, и сказанное дело осталось нерассмотренным; потом по означенному вторичному отношению Его Сиятельства князя Петра Сергеевича Мещерского к Преосвященному Архиепископу Онисифору... в числе прочих нерассмотренных дел поступило в Консисторию» [21, л. 41–42]. Только после вмешательства обер-прокурора Синода князя П. С. Мещерского в 1828 г. Консистория вынуждена была объясниться и снова приступить к рассмотрению дела о финансовой помощи колонистам.

В том же 1828 г., по указу уже нового императора, Николая I, и поручению Екатеринославской духовной консистории в Балта-Чокрак направилась специальная комиссия, состоявшая из протоиерея Симферопольского духовного правления Михаила Молчанова, протоиерея бахчисарайского Николаевского собора Георгий Спиранде, архитектора 9 класса и кавалера Колодина¹, и смотрителя Крымских колоний Л. Гейденрейла. Комиссия осмотрела строение и пришла к выводу о том, что церковь в колонии Балта-Чокрак необходима (*«тогда и колония сия может значительно умножиться причислением в оную единоземцев, турецкоподданных анатольских греков, в Крыму обитающих»*), как и выделение денежной помощи для ее достройки.

Для того, чтобы завершить постройку здания и избежать в дальнейшем ее обрушения, комиссия рекомендовала осуществить некоторые изменения и перестройки, и оставила словесное описание первой балта-чокракской церкви. Последнее особенно ценно, поскольку план и фасад здания к этому моменту не был составлен. Церковь описана как здание длиной в 21 аршин, шириной в 11 и высотой в 9 (14,94x7,82x6,4м), колокольня составляла единое целое с основной частью постройки. Церковь была выстроена из бутового камня на глине, фундамент на извести. Крыша была покрыта черепицей и на момент осмотра в 1828 г. она уже стала провисать в середине (поэтому комиссия рекомендовала черепичную крышу разобрать, установить прочные деревянные стропила и балки и покрыть ее листовым железом, покрашенным серой масляной краской). На крыше установили деревянный крест, который, впрочем, ко времени осмотра комиссией уже успел обветшать (рекомендовалось установить железный крест и окрасить его в золотой цвет). Здание имело 11 окон, но *«чрезмерно малых»*, *«от чего теряется красота здания в наружном виде, да и внутри церкви от того происходит темнота и сырость»*. *«Наружное украшение дверей и окон отделано на азиатский вкус»*, и комиссия рекомендовала сделать окна и двери побольше с железными решетками, а два окна в западной стене заделать [21, л. 53–61].

В итоге церковь была завершена лишь в 1835 г. В историографии именно эта дата закрепились в качестве года постройки первой церкви в с. Балта-Чокрак, но, история первого здания начинается в 1818 г. [9, с. 70; 73, с. 416].

¹ Это был известный архитектор Иван Федорович Колодин (1788 – после 1850), вольноотпущенник, ученик А. Н. Вороникина, работавший в Крыму с 1820 г., по-видимому, до конца жизни. Среди его работ в Симферополе – кафедральный собор Св. Александра Невского, Странноприимный дом Таранова-Белозерова, дом губернатора [3, с. 26–27; 77, с. 206, 247].

Через 10 лет после постройки церковь вновь пришла в упадок, о чем свидетельствует Дело Таврической губернской Строительной комиссии «О повреждении Балта-Чокракской церкви и прекращении в ней Богослужения» 1845–1847 гг. В рапорте губернского архитектора Вротновского¹ указывалось, что при осмотре повреждений балта-чокракской церкви он *«нашел со всех сторон оной перпендикулярные в разных местах сквозные трещины, идущие от самого карниза здания, до земли, на которой опирается фундамент, придел же церкви, где находится алтарь, значительно отделяется от самого здания и арка вовнутрь где царские врата, совершенно потрескалась и угрожает падением с самим зданием»*. Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России (ведомство с центром в Одессе, с 1818 г. сменившее Контору опекунов [75, с. 107–111]) постановила немедленно прекратить богослужения и церковь закрыть. Колонисты, в свою очередь, обратились к архиепископу Херсонскому и Таврическому (Гавриилу Розанову, бывшему здесь архиепископом в 1837–1848 гг.), испрашивая позволение починить церковь [20]. Но и это дело затянулось на несколько лет и до середины 1860-х годов церковь была закрыта и считалась упраздненной [90, с. 16].

В 1866 г. храм был перестроен, а в 1885 г. было построено здание церковно-приходской школы. В 1905 г. Пантелеймоновскую церковь разбирают по причине ветхости, и уже в 1906 г. было заложено новое здание храма, завершённое в 1908 г. Жителями Балта-Чокрак и симферопольским купечеством греческого происхождения было собрано около 7 тыс. рублей на постройку церкви, из которых около половины внес балтачокракский поселянин Георгий Канаки [73, с. 416–417].

С 1866 по 1919 г. документально известны имена священников и причта, служивших в Свято-Пантелеймоновской церкви:

Священники Иоанн Лафаки и причетник Владимир Серафимов – в 1866–1867 гг.

Священники Петр Курдечев и Иаков Лисневский, причетники Антон и Иоанн Соколовский – в 1868 г.

Священник Иаков Лисневский и причетник Севастиан Пикульский – в 1869–1881 гг.

В 1882 г. службы в Балта-Чокракской церкви совершали священники Иаков Лисневский, Христофор Караникола и Лазарь Спано и причетник Севастиан Пикульский.

В 1883 г. сослужили священник Лазарь Спано и причетник Севастиан Пикульский.

Священник Лазарь Спано и причетник Павел Федоров – в 1884–1887 гг.

¹ Из «Воспоминаний» А. М. Достоевского, брата великого писателя, жившего в Симферополе в 1858–1860 гг., известно полное имя губернского архитектора – Зенон Осипович Вротновский. Во время работы А. М. Достоевского техником Строительной комиссии, З. О. Вротновский был его коллегой, также занимал должность техника, имел звание архитекторского помощника. Больше, к сожалению, о нем Достоевский не сообщает: «Вротновского я очень мало знал и даже не знаю, где кончил он курс, и где получил звание...» [70].

Священник Лазарь Спано и псаломщик Николай Юрьев – в 1888–1892 гг.

Священник Григорий Вороновский и псаломщик Николай Юрьев – в 1892–1896 гг.

Священник Ефимий Порубин и псаломщик Николай Юрьев – в 1897 г.

Священник Мефодий Клименко и псаломщик Николай Юрьев – в 1898–1901 гг.

Священники Димитрий Смирнов и Анастасий Минаев, псаломщик Николай Юрьев – в 1902 г.

Священник Иоанн Львов и псаломщик Николай Юрьев – в 1903–1909 гг.

Священник Петр Ладухин и псаломщик Николай Шарков – в 1910 г.

Священник Иоанн Спано¹ (сын Лазаря Спано) и псаломщик Виктор Еленченко – в 1911–1915 гг.

Священник Иоанн Спано и псаломщик Григорий Шалыгин – в 1916 г.

Священник Иоанн Спано и временно исполняющий должность псаломщика Анатолий Спано – в 1917–1919 гг. [22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62].

Свято-Пантелеймоновская церковь стала настоящим центром общинной жизни для балта-чокракских колонистов и для жителей всего обширного прихода, куда в разное время входили села Мангуш, Карагач, Базарчик, Сарабузы, Чистенькая, Бия-Сала, Петрово-Подгороднее и другие. Церковь посещали жители и жители немецких колоний Цюрихталь (в метриках записан как Серихталь), Нейзац, мещане и купцы Симферополя, Бахчисарая, Карасубазара, Севастополя, Сак, Керчи, Херсона, Таганрога, Одессы, мещане, крестьяне и казаки из Миргорода, Путивля, Рязанской, Курской, Орловской, Полтавской, Черниговской губерний.

В церкви Балта-Чокрак происходили не только таинства крещения, венчания и отпевания православных жителей села и его окрестностей, но и крещение иноверцев и присоединение к православию представителей католического и лютеранского вероисповедания. Всего таких случаев зафиксировано 12. Первый – в 1871 г., когда был присоединен к православию чином миропомазания бывший австрийско-подданный, переходящий в российское подданство Густав Иванович Юранек, прежде римо-католик. Густаву Юранеку было наречено имя Константин «в память великого царя и равноапостольного Константина» [68, с. 119 об.].

Присоединялись к православию и лютеране, состоявшие в браке с православными. Так, в 1879 г. в балта-чокракской церкви «присоединена к православию» с именем «Анна» подданная Вюртемберга лютеранка Иоганна Келлер 20 лет, жена турецкоподданного грека Христофора Котору [24, л. 93 об.]. Последний подобный случай засвидетельствован в 1913 г., когда был присоединен к православию через таинство покаяния поселянин Мелитопольского уезда Эйгенфельдской волости деревни Чехоград Франц Францевич Фулик – римо-католик 78 лет [36, л. 12 об.].

¹ Арестован и расстрелян в 1921 г. [73, с. 416].

Еще более значимые события (в том числе – идеологически) – крещения иноверцев. По резолюции архиепископа Таврического и Симферопольского Гурия (Карпова) 6 октября 1880 г. с именем София в Свято-Пантелеймоновской балтачокракской церкви крещена иудейка Сима-Сура, 23 лет, дочь купца Лейбы Зуль [25, л. 95 об.].

2 мая 1896 г. в Свято-Пантелеймоновской церкви в православную веру с именем Николай был крещен мусульманин Мамут Темерджиев-оглу, 21 года, выходец из деревни Каралез Симферопольского уезда (ныне – с. Красный Мак Бахчисарайского района). При крещении присутствовал староста с. Балта-Чокрак М. Канаки. Крещению предшествовало прошение Темерджиева на имя Мартинаиана, епископа Таврического и Симферопольского, где проситель так объяснял свое желание перейти в христианство: *«я родился в Магометанской вере от родителей, исповедующих эту веру; но вырос между русскими и воспитан ими, находясь у них в услужении по настоящее время. Мне теперь прошел 21-й год и, поняв превосходство Христианской веры, выучив христианские молитвы, имею твердое и непоколебимое желание принять православную веру. Посему покорнейше прошу приказать причту села Болтачокрак... просветить меня св. крещением, чтобы я стал членом русского народа и по вере и мог бы молиться вместе с ним Тому Богу, Который возвеличил Русское Царство, ставшее, по счастью, и моим отечеством, и которому хочу принадлежать не только телом, но и душою»*. Желание креститься именно в Свято-Пантелеймоновской церкви Мамут Темерджиев-оглу объяснял тем, что в настоящее время проживает на территории ее прихода, в деревне Коджу-Эли (ныне Шевченково Бахчисарайского р-на) [45, л. 8–8 об.].

С началом Первой мировой войны на фронт были призваны военнообязанные жители Балта-Чокрака и уже 5 февраля 1915 г. в Свято-Пантелеймоновской церкви отпевали представителя самой обширной семьи этой колонии – Петра Христофоровича Канаки¹. Отметка в метрике свидетельствует, что отпеваемый – *«запасной нижний чин, призванный на войну из поселян села Балта-Чокрака убит на поле брани на Австрийском фронте 18 января»* [40, л. 54 об.].

С октября 1917 г. вместо, *«поселян»* и *«колонистов»* в метрических книгах появляются *«граждане»*, в том числе *«граждане с. Балта-Чокрак»* – в связи с объявлением России республикой 1 сентября 1917 г.

В 1918 г. появляются записи о причинах смерти базарчикских, симферопольских, бахчисарайских, карасубазарских граждан: *«убит большевиками»*, *«убит эскадронцами²»*, *«убит по неосторожности»* [62, л. 39 об.–46].

¹ Потомки семьи Канаки живут в Крыму и в настоящее время. Самые известные представители рода Канаки в XX в. – Константин Георгиевич Канаки, участник обороны Севастополя; его братья Георгий и Иван – крымские партизаны; двоюродный брат Николай Михайлович, который пятнадцатилетним подростком в 1942 г. после падения Севастополя также ушел к партизанам [5; 89].

² Имеются в виду боровшиеся с большевиками в 1918 г. воинские части, сформированные из крымских татар: Крымская кавалерийская бригада, Мусульманский Крымский стрелковый полк «Уриет» и отряд боевиков Ялте [74, с. 12–16.]

Стоит отметить, что записи о смерти с 1866 по 1919 гг. сами по себе представляют ценный источник об условиях жизни жителей с. Балта-Чокрак и других соседних сел и городов. Поселян Балта-Чокрак хоронили на приходском кладбище. Оно частично сохранилось, о чем будет сказано позднее, однако при полевых исследованиях выявлено лишь 62 памятника (рис. 5, 6). Зато записи в метрических книгах Свято-Пантелеймоновской церкви свидетельствуют о 339 захоронениях на приходском кладбище. Всего же их было значительно больше, поскольку до 1866 г. некрополь существовал, по меньшей мере, полвека; после 1919 г. – еще два десятилетия. Но точное число захоронений установить пока не представляется возможным.

Вместе с записями о крещении младенцев и венчаниях записи о причинах смерти и возрасте умерших (с учетом весьма приблизительной диагностики, доступной врачам и приходским священникам XIX в.) представляют картину размеренной, традиционной и суровой повседневности колонистов Балта-Чокрак.

Наиболее многочисленными семействами, проживавшими в селе, были Канаки (часть их потомков переселилась в города и стала мещанами Симферополя и Бахчисарая), Топузовы (их потомки, переселившиеся в Карасубазар, носили двойную фамилию: Топузовы-Тохтамыш), Казанджи, Родити, Бинбаш (Биньбаши), Гаймас (Гаймазовы), Николи, Кондояни (Кондуяни). Со второй половины XIX в. женились и выходили замуж за колонистов Балта-Чокрак, мещан Симферополя, Карасубазара, Балаклавы, предпочитая спутников жизни греческого происхождения (хотя изредка происходили и браки с православными славянского происхождения, и с лютеранами). И женитьба, и замужество, как правило, происходили не ранее 17 лет, чаще – после 20. Верхняя граница брачного возраста для второго или третьего брака могла быть довольно высокой – 50-53 года для мужчин.

В первые несколько лет брачной жизни большинство супружеских пар ежегодно приходили в Свято-Пантелеймоновскую церковь крестить своих детей, но даже до отрочества доживали далеко не все из родившихся. На 339 смертей, зафиксированных в метрических книгах 1866–1919 гг., приходится 175 младенческих и детских (до 7 лет), то есть, половина от общего количества смертей. Эта проблема была характерна для большинства губерний Российской империи [1, с. 237–241; 81, с. 71–88; 83, с.181–185]. Когда не удавалось установить причины смерти ребенка («синдром внезапной детской смерти»), в метрических книгах балта-чокракской церкви фиксировалась смерть «от младенческой», если речь шла о детях, умерших в возрасте от нескольких дней до 2 лет. Установленные причины детских смертей: «от кори», «от коклюша», «от сыпного тифа», «от сухотки», «от воспаления легких», «от поноса», «от воспаления мозговых оболочек», «от скарлатины», «от дифтерита», «от водянки», «от кашля», «от простуды», «от английской болезни» (рахит), «от костоеда» (остеомиелит), «от оспы» (наибольшее число случаев – в 1885 г.), вследствие несчастных случаев («от завалов», «от обжога», «обварилась в кипятке»).

Рис. 5. Участок греческого кладбища с. Балта-Чокрак.

Причины преждевременной смерти у молодежи и взрослого населения колонии Балта-Чокрак – разнообразные болезни: чахотка, воспаление легких, простуда, водянка, апоплексический удар, родильная горячка (и просто – «от родов»), рак (как причина смерти зафиксирован единожды в 1886 г. – у Е. И. Канаки, умершей в 45 лет), даже белая горячка. Начиная с возраста 60 лет смерть, при отсутствии явных болезней, считалась «натуральной», иногда ее причину фиксировали еще проще: «от старости», «от старческой немощи» (в одном случае – «от старческого изнеможения»). При этом 10 колонистов дожили до возраста 80–97 лет. Долгожитель, чей возраст засвидетельствован в метрической книге 1908 г. – Мария Антоновна Биньбаши, прожившая 110 лет.

По данным «Владенной записи Таврической губернии Симферопольского уезда Мангушской волости селения Балточокрак» в конце 80-х гг. XIX в. семьи Георгия Канаки и еще 11 колонистов владели землей в общей сложности 740 десятин, т.е. более 61 десятины на крестьянскую семью. Соответственно после земельной реформы и отмены крепостного права 1861 г. показатель земельной собственности колонистов Балта-Чокрака более чем на порядок превосходил среднестатистический [63]. Однако необходимо помнить, что балта-чокракские земли включали в себя большую площадь «неудобий».

Рис. 6. Надгробие Деспины Алексиади, предположительно перв. пол. XIX в.

Рис. 7. Вид на с. Балта-Чокрак (фото начала XX в.).

Согласно статистическим данным на 1915 г. в селе Балта-Чокрак отмечалось 28 дворов со смешанным населением в количестве 130 человек приписных жителей и 43 – «посторонних». Во владении было поселян уже около 882 десятин земли, с землёй были 17 дворов и 11 безземельных. В хозяйствах имелось 48 лошадей, 28 волов и 30 коров [88, с. 88]. По всей вероятности, именно на пике своего развития в начале XX в., отмеченного в статистических данных, село Балта-Чокрак было зафиксировано пока на единственной известной фотографии (рис. 7).

После депортации в июне 1944 г. греков и болгар из Крыма, село Балта-Чокрак приходит в запустение. В 1948 г. переименовывается в Алешино и перестает числиться в списке населенных пунктов в 1960-х гг. На месте села организована молочно-товарная ферма, а территория культурного ландшафта уже бывшего села Балта-Чокрак начинает использоваться как место производства строительных материалов (рис. 8).

На месте бывшего села сохранились лишь отдельные элементы культурного ландшафта: руины отдельных построек, надгробия 1820-х – 1930-х годов на приходском кладбище. Некрополь служит местом собраний греческой общины Крыма в памятные даты; потомки балта-чокракских колонистов Канаки уже в наши дни установили на некрополе металлическую памятную беседку, украшенную меандром.

Рис. 8. Современный вид на бывшее с. Балта-Чокрак.

Несмотря на относительное забвение бывшей греческой колонии Балта-Чокрак, проведенная реконструкция ее истории является ярким примером этнической, культурной, хозяйственной жизни Юго-Западного Крыма конца XVIII – XX веков. Вопросам непосредственного изучения исторической географии культурного ландшафта Балта-Чокрака и его отдельных элементов будет посвящена отдельная публикация.

Список использованных источников и литературы

1. Белов А. И. О младенческой смертности в дореволюционной России // Политическая концептология. – Ростов, 2017. – № 2 – С. 237–241.
Belov A. I. O mladencheskoj smertnosti v dorevoljucionnoj Rossii // Politicheskaya kontseptologiya. – Rostov, 2017. – № 2 – S. 237–241.
2. Белова Е. В. Миграционная политика на Юге Российской империи и переселение болгар в Новороссийский край и Бессарабию. (1751–1871 гг.) – М.: РГОТУПС, 2004. – 230 с.
Belova E. V. Migracionnaya politika na Yuge Rossijskoj imperii i pereselenie bolgar v Novorossijskij kraj i Bessarabiju. (1751–1871 gg.) – M.: RGOTUPS, 2004. – 230 s.
3. Белова С. Л. Симферополь: этюды истории, культуры, архитектуры. – Симферополь: Таврия-плюс, 2001. – 184 с.
Belova S. L. Simferopol': etyudy istorii, kul'tury, arkhitektury. – Simferopol': Tavriya-plyus, 2001. – 184 s.

4. Булычев М. Губернатор Фадеев и его знаменитое потомство // Памятники Отечества: Альманах ВООПИК. – 1998. – № 1. – С. 30–34.
Bulychev M. Gubernator Fadeev i ego znamenitoe potomstvo // Pamyatniki Otechestva: Al'manakh VOOPIK. – 1998. – № 1. – S. 30–34.
5. В Греции умер ветеран Великой Отечественной войны Константин Канаки // РИА Новости. 27.09.2023. URL: <https://ria.ru/20230927/kanaki-1898909013.html>. Проверено 15.01.2024 г.
V Gretsii umer veteran Velikoj Otechestvennoj vojny Konstantin Kanaki // RIA Novosti. 27.09.2023. URL: <https://ria.ru/20230927/kanaki-1898909013.html>. Provereno 15.01.2024 g.
6. Васильчук В. Н. Причины расселения немецких поселенцев на Украине в период царизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – СПб., 2006. – Вып. 4. – С. 53–61.
Vasil'chuk V. N. Prichiny rasseleniya nemetskich poselentsev na Ukraine v period tsarizma // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta : Istoriya. – SPb., 2006. – Seriya 2. – Vyp. 4. – S. 53–61.
7. Вернер К.А. Алфавитный список селений // Сборник статистических сведений по Таврической губернии. – Симферополь, 1889. – Т. 9. – 698 с.
Verner K.A. Alfavitnyj spisok selenij // Sbornik statisticheskikh svedenij po Tavricheskoy gubernii. – Simferopol', 1889. – T. 9. – 698 s.
8. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. – Одесса, 1897. – 256 с.
Vospominaniya Andreyu Mikhajlovicha Fadeeva. 1790–1867 gg. – Odessa, 1897. – 256 s.
9. Гавриил [Розанов], архиепископ Херсонский. Хронологико-историческое описание церквей епархии Херсонской и Таврической // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1848. – Т. 2. – С. 140–210.
Gavriil [Rozanov], arkhiepiskop Khersonskij. Khronologiko-istoricheskoe opisanie tserkvej eparkhii Khersonskoj i Tavricheskoy // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej. – Odessa, 1848. – T. 2. – S. 140–210.
10. Гайворонская О. Б. Коллекция орудий труда болгарских переселенцев в собрании Государственного Бюджетного Учреждения Республики Крым «Крымский этнографический музей // Труды Всероссийской научно-практической конференции «IV Феодосийские научные чтения», Феодосия 25–27 мая 2017 г., Санкт-Петербург 11–12 сентября 2017 г. – Феодосия: Арт-Лайф, 2017. – С. 103–106.
Gajvoronskaya O. B. Kolleksiya orudij truda bolgarskix pereselencev v sobranii Gosudarstvennogo Byudzhethnogo Uchrezhdeniya Respubliki Krym «Kry'mskij e'tnograficheskij muzej // Trudy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii "IV Feodosijskie nauchny'e chteniya", Feodosiya 25–27 maya 2017 g., Sankt-Peterburg 11–12 sentyabrya 2017 g. – Feodosiya: Art-Lajf, 2017. – S. 103–106.
11. Ганцев В. К. Классификация средневековых виноградодавлен Юго-Западного Крыма / Материалы по археологии, истории и этнографии Таври. – Симферополь, 2022. – Вып. XXVII. – С. 209–221.
Gantsev V. K. Klassifikatsiya srednevekovykh vinogradodavilen YUgo-Zapadnogo Kryma / Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavri. – Simferopol', 2022. – Vyp. XXVII. – S. 209–221.
12. Георгий Кокинмати: личность, которую нельзя вычеркнуть из истории // Слава труду. URL: <https://slavatrudu-bah.ru/lyudi/206-georgij-kokinomati-lichnost-kotoruyu-nelzya-vycherknut-iz-istorii>. Проверено 15.01.2024 г.
Georgij Kokinomati: lichnost', kotoruyu nel'zya vycherknut' iz istorii // Slava trudu. URL: <https://slavatrudu-bah.ru/lyudi/206-georgij-kokinomati-lichnost-kotoruyu-nelzya-vycherknut-iz-istorii>. Provereno 15.01.2024 g.
13. Греки России и Украины / отв. ред. Ю. В. Иванова. – СПб., 2004. – 624 с.
Greki Rossii i Ukrainy / отв. red. Yu. V. Ivanova. – SPb., 2004. – 624 s.
14. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 74. – Л. 1–4.
Gosudarstvennyj arkhiv Respubliki Krym (GARK). – F. 17. – Op. 2. – D. 74. – L. 1–4.
15. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 1747. – 63 л.
GARK. – F. 26. – Op. 1. – D. 1747. – 63 l.
16. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 5070. – 17 л.
GARK. – F. 26. – Op. 1. – D. 5070. – 17 l.

17. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 24463. – Л. 1–10.
GARK. – F. 26. – Op. 1. – D. 24463. – L. 1–10.
18. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 24537. – Л. 1–8.
GARK. – F. 26. – Op. 1. – D. 24537. – L. 1–8.
19. ГАРК. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 7382. – Л. 1–9.
GARK. – F. 27. – Op. 1. – D. 7382. – L. 1–9.
20. ГАРК. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 5015. – Л. 1–5.
GARK. – F. 27. – Op. 1. – D. 5015. – L. 1–5.
21. ГАРК. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 5070. – 130 л.
GARK. – F. 118. – Op. 1. – D. 5070. – 130 l.
22. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 2.Л. – 39–64.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 2.L. – 39–64.
23. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 69. – 794 л.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 69. – 794 l.
24. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 84. – Л. 91–122.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 84. – L. 91–122.
25. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 102. – Л. 86–16.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 102. – L. 86–16.
26. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 115. – Л. 278–306.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 115. – L. 278–306.
27. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 134–155.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 134. – L. 134–155.
28. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 151. – Л. 40–68.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 151. – L. 40–68.
29. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 178. – Л. 1–26.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 178. – L. 1–26.
30. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 190. – Л. 188–219.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 190. – L. 188–219.
31. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 205. – Л. 1–32.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 205. – L. 1–32.
32. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 226. – Л. 176–206.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 226. – L. 176–206.
33. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 245. – Л. 207–234.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 245. – L. 207–234.
34. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 260. – Л. 186–218.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 260. – L. 186–218.
35. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 292. – Л. 189–217.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 292. – L. 189–217.
36. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 304. – Л. 11–72.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 304. – L. 11–72.
37. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 307. – Л. 200–228.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 307. – L. 200–228.
38. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 317. – Л. 1–57.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 317. – L. 1–57.
39. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 319. – Л. 201–232.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 319. – L. 201–232.
40. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 331. – Л. 1–43.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 331. – L. 1–43.
41. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 341. – Л. 121–153.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 341. – L. 121–153.
42. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 346. – Л. 1–44.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 346. – L. 1–44.

43. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 361. – Л. 1–44.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 361. – L. 1–44.
44. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 378. – Л. 1–49.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 378. – L. 1–49.
45. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 390. – Л. 1–34.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 390. – L. 1–34.
46. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 400. – Л. 202–235.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 400. – L. 202–235.
47. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 427. – Л. 1–32.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 427. – L. 1–32.
48. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 452. – Л. 113–153.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 452. – L. 113–153.
49. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 478. – Л. 164–209.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 478. – L. 164–209.
50. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 501. – Л. 147–183.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 501. – L. 147–183.
51. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 531. – Л. 60–98.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 531. – L. 60–98.
52. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 563. – Л. 1–32.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 563. – L. 1–32.
53. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 597. – Л. 151–186.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 597. – L. 151–186.
54. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 632. – Л. 209–250.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 632. – L. 209–250.
55. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 665. – Л. 51–90.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 665. – L. 51–90.
56. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 693. – Л. 180–226.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 693. – L. 180–226.
57. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 723. – Л. 196–246.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 723. – L. 196–246.
58. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 759. – Л. 136–180.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 759. – L. 136–180.
59. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 791. – Л. 113–160.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 791. – L. 113–160.
60. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 828. – Л. 76–130.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 828. – L. 76–130.
61. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 860. – Л. 106–162.
GARK. – F. 142. – Op. 1. – D. 860. – L. 106–162.
62. ГАРК. – Ф. 142. – Оп. 5. – Д. 136. – Л. 1–45.
GARK. – F. 142. – Op. 5. – D. 136. – L. 1–45.
63. ГАРК. – Ф. 337. – Оп. 22. – Д. 45. – Л. 3–4.
GARK. – F. 337. – Op. 22. – D. 45. – L. 3–4.
64. ГАРК. – Ф. 377. – Оп. 13. – Д. 155. – Л. 1.
GARK. – F. 377. – Op. 13. – D. 155. – L. 1.
65. ГАРК. – Ф. 377. – Оп. 14. – Д. 126. – Л. 1.
GARK. – F. 377. – Op. 14. – D. 126. – L. 1.
66. ГАРК. – Ф. 377. – Оп. 14. – Д. 136. – Л. 1.
GARK. – F. 377. – Op. 14. – D. 136. – L. 1.
67. ГАРК. – Ф. 377. – Оп. 14. – Д. 142. – Л. 1.
GARK. – F. 377. – Op. 14. – D. 142. – L. 1.
68. ГАРК. – Ф. 843. – Оп. 1. – Д. 1. – 268 л.
GARK. – F. 843. – Op. 1. – D. 1. – 268 l.

69. Державин Н. С. Болгарские колонии в России: Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии. – София: Държавна печатница, 1914. – 259 с.
Derzhavin N. S. Bolgarskie kolonii v Rossii: Tavricheskaya, Xersonskaya i Bessarabskaya gubernii. – Sofiya: D`rzhavna pechatnitsa, 1914. – 259 s.
70. Достоевский А. М. Воспоминания: Редакция 1875–1895 гг. Режим доступа: <https://philolog.petsu.ru/amdost/vospomin/vospomin.htm>. Проверено 15.01.2024 г.
Dostoevskij A. M. Vospominaniya: Redaktsiya 1875–1895 gg. Rezhim dostupa: <https://philolog.petsu.ru/amdost/vospomin/vospomin.htm>. Provereno 15.01.2024 g.
71. Кащенко С. Г. Из истории крымских болгар // Сквозь века. – Симферополь, 1995. – Вып. 1.– С. 71–82.
Kashchenko S. G. Iz istorii krymskikh bolgar // Skvoz' veka. – Simferopol', 1995. – Вып. 1.– С. 71–82.
72. Клаус А. А. Наши колонии : Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. – СПб.: Тип. В. В. Нусвальта, 1869. – XII, 456, 102 с.
Klaus A. A. Nashi kolonii : Opy'ty' i materialy' po istorii i statistike inostrannoj kolonizacii v Rossii. Vy'p. 1. – SPb.: Tip. V. V. Nusval'ta, 1869. – XII, 456, 102 s.
73. Козлов В. Ф. Наследие православного Крыма. XVIII – середина XX в. Монастыри, монастырские подворья, храмы, часовни : научно-справочное издание. – М.: Институт Наследия, 2022. – 644 с.
Kozlov V. F. Nasledie pravoslavnogo Kryma. XVIII – sredina KHKH v. Monastyri, monastyrskie podvor'ya, khramy, chasovni : nauchno-spravochnoe izdanie. – M.: Institut Naslediya, 2022. – 644 s.
74. Колонтаев К. Морская пехота Черноморского флота во время Гражданской войны в России 1917 – 1920 годы // Military Крым. – 2006. – № 4. – С. 12–16.
Kolontaev K. Morskaya pekhota Chernomorskogo flota vo vremya Grazhdanskoj vojny v Rossii 1917 – 1920 gody // Military Krym. – 2006. – № 4. – С. 12–16.
75. Корж Т. Н., Правдюк О. В. Образовательная политика царского правительства на Юге Российской империи в XIX в. // Проблемы современного педагогического образования. – Ялта, 2021. – С. 107–111.
Korz T. N., Pravdyuk O. V. Obrazovatel'naya politika tsarskogo pravitel'stva na Yuge Rossijskoj imperii v XIX v. // Problemy sovremennoego pedagogicheskogo obrazovaniya. – Yalta, 2021. – С. 107–111.
76. Кравчук А. С. Управление иностранными колонистами в новороссийском крае в начале XIX в. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых. – М., 2022. – С. 91–97.
Kravchuk A. S. Upravlenie inostrannymi kolonistami v novorossijskom krae v nachale XIX v. // Istorija Rossii s drevnejshikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady: Sb. statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy shkoly-konferentsii molodykh uchenykh. – M., 2022. – С. 91–97.
77. Кутайсова М. В. Симферопольская старина в фотографиях и описаниях. – Севастополь, 2018. – 328 с.
Kutajsova M. V. Simferopol'skaya starina v fotografiyakh i opisaniyakh. – Sevastopol', 2018. – 328 s.
78. Лашков Ф. Ф. Камеральное описание Крыма, 1784 г. (продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь, 1888. – № 6. – С. 36–63.
Lashkov F. F. Kameral'noe opisanie Kryma, 1784 g. (prodolzhenie) // Izvestiya Tavricheskoy uchenoj arkhivnoj komissii. – Simferopol', 1888. – № 6. – С. 36–63.
79. Манифест Павла I от 13 февр. 1798 г. О установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам. – М., 1798. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_UK_5117/. Проверено 15.01.2024 г.
Manifest Pavla I ot 13 fevr. 1798 g. O ustanovlenii na poluostrove Tavricheskom porto-franko na 30 let i o darovanii raznykh vygod zhitelyam sego ostrova i priezhayushchim tuda inostrantsam. – M., 1798. Rezhim dostupa: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_UK_5117/. Provereno 15.01.2024 g.

80. Меджитова Р. И. Миграционные процессы в Таврической губернии в XIX в. // Актуальные проблемы гуманитарных наук: труды научно-практической конференции. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2015. – С. 49–54.

Medzhitova R.I. Migracionny'e processy` v Tavricheskoj gubernii v XIX v. // Aktual'ny'e problemy` gumanitarny`x nauk: trudy` nauchno-prakticheskoi konferencii. – Simferopol': IT Arial, 2015. – S. 49-54.

81. Натхов Т. В., Василенок Н. А. Младенческая смертность в пореформенной России: динамика, региональные различия и роль традиционных норм // Историческая демография. – Сыктывкар, 2020. – №3. – С. 71–88.

Natkhov T. V., Vasilenok N. A. Mladencheskaya smertnost' v poreformennoj Rossii: dinamika, regional'nye razlichija i rol' traditsionnykh norm // Istoricheskaya demografiya. – Syktyvkar, 2020. – №3. – S. 71–88.

82. Науменко В. Е., Ганцев В.К. Скальные виноградодавильни Мангупа-Дороса // ЕТОС ІЕ ІΝΔΙΚΤΙΩΝΟΣ Α. ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ ΡΩΜΑΙΩΝ. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Сборник научных трудов / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь, 2023. – Вып. 3. – С. 65–116.

Naumenko V. E., Gantsev V.K. Skal'nye vinogradodavil'ni Mangupa-Dorosa // ЕТОС ІЕ ІΝΔΙΚΤΙΩΝΟΣ Α. ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ ΡΩΜΑΙΩΝ. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Sbornik nauchnykh trudov / отв. red. N. A. Alekseenko. – Simferopol', 2023. – Вып. 3. – S. 65–116.

83. Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. – Петроград, 1916. – 208 с.

Novosel'skij S. A. Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii. – Petrograd, 1916. – 208 s.

84. Носкова И. А. Внутренняя миграция болгарского населения Крыма во второй половине XIX века и образование новых дочерних поселений // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2000. – № 14. – С. 76–78.

Noskova I. A. Vnutrennyaya migraciya bolgarskogo naseleniya Kry`ma vo vtoroj polovine XIX veka i obrazovanie novy`x dochernix poselenij // Kul`tura narodov Prichernomor`ya. – Simferopol', 2000. – № 14. – S. 76–78.

85. Руев В. Л. Экскурсии по окрестностям Симферополя: Холодная балка, Таш-Джарган, Каялар. – Симферополь, 2023. – 218 с. – (Серия: «Библиотека крымоведения»).

Ruev V. L. Ekskursii po okrestnostyam Simferopolya: Kholodnaya balka, Tash-Dzhargan, Kayalar. – Simferopol', 2023. – 218 s. – (Biblioteka krymovedeniya).

86. Скальковский А. А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае: статистический очерк. – Одесса: В Типографии Т. Неймана и К°, 1848. – 156 с.

Skal'kovskij A. A. Bolgarskie kolonii v Bessarabii i Novorossijskom krae: statisticheskij ocherk. – Odessa: V Tipografii T. Nejmana i K°, 1848. – 156 s.

87. Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П. Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма : Материалы к археологической карте Крыма. – СПб., 2015. – Вып. XV. – 244 с. – (Археологические атласы Северного Причерноморья).

Smekalova T. N., Koltukhov S. G., Zajtsev YU. P. Atlas pozdneskifskikh gorodishch predgornogo Kryma : Materialy k arkhologicheskoi karte Kryma. – SPb., 2015. – Вып. XV. – 244 s. – (Arkheologicheskie atlasy Severnogo Prichernomor'ya).

88. Статистический справочник Таврической губернии / Сост. Ф. Н. Андриевский; под ред. М. Е. Бененсон. – Симферополь, 1915. – Ч. II. – Вып. 6: Симферопольский уезд. – 186 с.

Statisticheskij spravochnik Tavricheskoj gubernii / sost. F. N. Andrievskij; pod red. M. E. Benenson. – Simferopol', 1915. – Ch. II. – Вып. 6: Simferopol'skij uezd. – 186 s.

89. Судьба, опаленная войной // Слава Севастополя. 22.02.2007. Режим доступа: <https://slavasev.ru/2007/02/22/sudba-opalennaya-voynou>. Проверено 15.01.2024 г.

Sud'ba, opalennaya vojnoj // Slava Sevastopolya. 22.02.2007. Rezhim dostupa: <https://slavasev.ru/2007/02/22/sudba-opalennaya-voynou>. Provereno 15.01.2024 g.

90. Таврическая губерния: Список населенных мест по сведениям 1864 г. / Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1865. – 137 с.

Tavricheskaya guberniya: Spisok naseleenny`x mest po svedeniyam 1864 g. / Izd. Central'ny`m Statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennix del. – SPb.: Tip. K. Vul'fa, 1865. – 137 s.

91. Татаринова Е. П. Эволюция законодательного регулирования вещных прав женщин в России (XVII – начало XIX века) // Имущественные отношения в Российской Федерации. – М., 2006. – № 6(117). – С. 62–68.

Tatarinova E. P. Evolyutsiya zakonodatel'nogo regulirovaniya veshchnykh prav zhenshchin v Rossii (XVII – nachalo XIX veka) // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federatsii. – M., 2006. – № 6(117). – S. 62–68.

92. Топографическая карта полуострова Крыма составлена в 1/210 000 долю настоящей величины и гравирована при Военно-топографическом депо со съемок тригонометрической Ген. штаба подполк. Оберга и топографической Ген. штаба полковника Бетева. – СПб.: Военно-топографическое депо, 1842. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012097828/

Topograficheskaya karta poluostrova Kryma sostavlena v 1/210 000 dolyu nastoyashchej velichiny i gravirovana pri Voенно-topograficheskom depo so s"emok trigonometricheskoj Gen. shtaba podpolk. Oberga i topograficheskoj Gen. shtaba polkovnika Beteva. – SPb.: Voенно-topograficheskoe depo, 1842. Rezhim dostupa: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012097828/

93. Топонимика Крыма / под. ред. Ю. А. Беляева. – Симферополь, 2022. – Вып. 4: Топонимика Крыма И. Л. Белянского. – 708 с.

Toponimika Kryma / pod. red. Yu. A. Belyaeva. – Simferopol', 2022. – Vyp. 4: Toponimika Kryma I. L. Belyanskogo. – 708 s.

94. Юрочкин В. Ю. Разведки в Бахчисарайском районе и Алуштинском горсовете Республики Крым // Археологические открытия 2014 года. – М., 2016. – С. 269–271.

Yurochkin V. Yu. Razvedki v Bakhchisarajskom rajone i Alushtinskom gorsovete Respubliki Krym // Arkheologicheskie otkrytiya 2014 goda. – M., 2016. – S. 269–271.

95. Jankowski H. A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea. – Leiden-Boston: Brill, 2006. – 1233 p.

Ruev V. L., Leybensov Yu. T. «We are settled between the mountains...»: to the history of the village of Balta-Chokrak in the Southwestern Crimea at the end of the XVIII–XX centuries.

This article presents the history of the population of the village of Balta-Chokrak with the Southwestern Crimea, a settlement with different ethnic composition. Until the beginning of the XIX century, the village was inhabited by the Crimean Tatars, but subsequently Balta-Chokrak and its agricultural territories (cultural landscape) are bought to the treasury from the noblewoman Kalitsa Ivanovna Mazganina. After the Crimean Tatars leave the village and travel to the Ottoman Empire, a colony from Greek families who came from Anatolia is founded here. Instead of the mosque that existed in Balta-Chokrak Greek colonists build a church, and begin to actively develop agriculture. What is important, the article on the basis of archival documents and field research for the first time gave a reconstruction of the Crimean Tatar stage of the history of the village, presents the peculiarities of the structure of new immigrants, the difficulties that they had to face in a new place. The point of view established in historiography about Balta-Chokrak as a Greek-Bulgarian colony was also questioned and the features of the composition of the cultural landscape of Balta-Chokrak were revealed, the history of the construction in 1818 and subsequent rebuilding of the Panteleimon Church and the spiritual life of the colonists were detailed.

Keywords: Crimea, Anatolia, Balta-Chokrak, colony, Crimean Tatars, Greeks, Bulgarians, historical geography, cultural landscape, church, mosque.